

УДК 343.13

**ПРИЧИНЫ И ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СРОКОВ ДАВНОСТИ
ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ****А.М. БЫСТРИКОВ***(Полоцкий государственный университет);**канд. юрид. наук, доц. Б.В. АСАЁНОК**(Факультет внутренних войск Военной академии Республики Беларусь, Минск)*

Рассмотрены исторические памятники права романо-германской правовой системы, а также отечественные памятники права, содержащие в себе нормы, имеющие отдаленное отношение к современным срокам давности в уголовном праве. На основе анализа некоторых правовых актов прошлого делается попытка разработать подходы к установлению причин и предпосылок формирования сроков давности в уголовном праве, определению их значения в системе публичного права, в частности и в качестве средства государственно-правового регулирования правовых конфликтов в целом.

Ключевые слова: *сроки давности, правовые источники прошлого, сословная привилегия, освобождение от уголовной ответственности.*

Введение. Проведенное исследование относительно сути, значения и порядка применения сроков давности в уголовном законодательстве Республики Беларусь показало, что предусмотренное статьей 83 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь) освобождение от уголовной ответственности за истечением сроков давности является, пожалуй, единственным основанием такого рода, в основу которого положена лишь воля государства, закрепленная в уголовном законе. Иные основания имеют не только теоретическое, но и законодательное обоснование, зачастую указанное непосредственно в УК Республики Беларусь (к примеру, утрата деянием или лицом общественной опасности, деятельное раскаяние и др.). Но в рассматриваемом случае правовая норма закрывает только волю государства – освободить от уголовной ответственности, не указывая причин такого снисхождения, кроме самого факта истечения определенных сроков с момента совершения преступления. Не найдя тому законодательного или иного легального толкования, нами предпринята попытка найти его в рамках историко-правового экскурса, пытаясь наряду с этим установить истоки появления сроков давности в качестве основания освобождения от уголовной ответственности.

На данный момент исторический процесс становления института давности до конца не изучен, а исследованные аспекты его становления носят весьма ограниченный характер, представляющий собой изыскания в период с конца XIX века и по настоящее время. В том числе, не является исключением и такое частное проявление данного института, как сроки давности привлечения к уголовной ответственности. На основе анализа определенного количества источников права, научных источников, посвященных проблематике сроков давности в уголовном праве, мы пришли к выводу, что однозначная трактовка причин происхождения сроков давности в уголовном праве чрезвычайно затруднительна. Большинство изученных нами научно-правовых источников относятся к срокам давности привлечения к уголовной ответственности как к правовой данности, не определяя ни исторических причин их возникновения, ни четкой отправной точки начала их существования в правовой реальности. Памятники права прошлого, также ничего не говоря о предпосылках возникновения сроков давности привлечения к уголовной ответственности, крайне скупо и фрагментарно закрепляют это правовое явление в период Античности, в Средние века и в Новое время. Однако в конце XIX века сроки давности привлечения к уголовной ответственности предстают перед нами в соответствующих правовых актах практически в том виде, в котором они существуют и поныне. Не найдя возможности обратиться к правовой дискуссии о причинах и предпосылках возникновения сроков давности в уголовном праве в первоисточниках, поскольку никаких прямых отсылок к ним нами при обширном исследовании обнаружено не было, считаем возможным представить свой взгляд на некоторые подходы к данной проблематике. Наша точка зрения, однако, не являет собой некий законченный взгляд на проблему возникновения сроков давности в уголовном праве, это лишь попытка в первом приближении правового осмысления возможных причин и предпосылок возникновения сроков давности как основания освобождения от уголовной ответственности.

Основная часть. Изучив ряд источников права прошлого, мы пришли к выводу, что сроки давности в широком смысле в качестве правового явления имеют достаточно глубокую историю. Это касается, прежде всего, значения сроков давности как юридического факта для наступления правовых последствий различного характера. Отдельные аспекты института сроков давности мы можем наблюдать в таком памятнике права Древнего Рима, как «Законы XII таблиц» [1]. Стоит отметить, что уже на тот момент существовали определенные давностные сроки, хоть они и не носили такого развитого характера как в настоящее время. Тем не менее юридический смысл данных норм нес в себе ограничительный характер,

связанный с временным отрезком, по прошествии которого наступали определенные в законодательстве той эпохи юридические последствия.

Так, в *Таблице I «О судебном производстве»* значится следующее:

«... 7. Если [тяжущиеся стороны] не приходят к соглашению, пусть [они] до полудня сойдутся для тяжбы на форуме или на комициуме. Пусть обе присутствующие стороны по очереди защищают [свое дело].

8. После полудня [магистрат] утвердит требование той стороны, которая присутствует [при судоговорении].

9. Если [на судоговорении] присутствуют обе стороны, пусть заход солнца будет крайним сроком [судоговорения]» [1, с. 3].

Как мы можем видеть, правовой смысл данной нормы заключает в себе механизм, определяющий сроки судебного разрешения правового спора и вынесения по нему решения.

Содержание таблицы *III «О займах и правах кредитора»*, в свою очередь, полностью построено на сроках давности и содержит в себе конкретные сроки исполнения того либо иного положения. Нормы ее звучат следующим образом:

«1. Пусть будут [даны должнику] 30 льготных дней после признания [им] долга или после постановления [против него] судебного решения...

5. ...Тем временем, [т.е. пока должник находился в заточении], он имел право помириться [с истцом], но если [стороны не мирились], то [такие должники] оставались в заточении 60 дней. В течение этого срока их три раза подряд в базарные дни приводили к претору на комициум и [при этом] объявлялась присужденная с них сумма денег. В третий базарный день они предавались смертной казни или поступали в продажу за границу, за Тибр.

6. В третий базарный день пусть разрубят должника на части. Если отсекут больше или меньше, то пусть это не будет вменено им [в вину]...» [1, с. 3].

Таким образом, сроками 30 и 60 дней определялись льготный и принудительный характер исполнения гражданско-правового обязательства (долга). А по истечении срока давности исполнения долга наступала более суровая ответственность должника, чем материальная или ограничение свободы, – лишение его жизни. Таким образом, устанавливались определенные сроки давности исполнения гражданско-правового обязательства.

Таблицей VI «О собственности и владении» в части 3 устанавливались сроки давности для закрепления владения участком (2 года) или иной вещью (1 год). В четвертой же части данной Таблицы устанавливались как сроки для установления права владения мужа над женщиной (1 год), так и основания, прерывавшие эти сроки давности (отлучение из дома на три ночи в течение года владения) [1, с. 4].

Как видим, приведенные нормы, касающиеся сроков давности, регулировали гражданские и семейные правоотношения и лишь отчасти носили публично-правовой характер, относящийся к нормам уголовного права (хотя последствия в виде разрубания должника на части и носили, по сути, характер наказания за неуплату долга). Тем не менее их правовой смысл заключался в том, что истечение определенного срока определялось в качестве юридического факта для наступления юридически значимых последствий. Однако результатом наступления данного юридического факта было не освобождение, а, наоборот, наступление юридической ответственности.

В качестве логического продолжения можно привести отдельные *нормы права Византии* – прямого правопреемника Древнего Рима. В частности, рассмотрим такой памятник права, как византийские «Эклоги» [2]. В данном историческом памятнике права также содержатся определенные давностные сроки, касающиеся некоторых правовых норм.

Так, в титуле 1 в пункте 3 содержится следующее: «Если же кто-либо обручился с девушкой и равно из неприязни или по какой-либо иной причине откладывает вступление в брак, то до двух лет девушка остается обязанной ожидать его; после этого пусть ее сторона предложит ему вступить в брак. И если он сделает это, то прекрасно. [Если же нет], то потом невеста имеет право выйти замуж за кого она хочет, и она сохранит во владении и то, что она получила от обрученного с ней» [2, с. 36].

Из диспозиции данной нормы вытекает двухлетний срок ожидания исполнения обязательства, но тем не менее, в отличие от сроков давности в современном понимании, данная норма порождает определенную правовую обязанность по отношению к заинтересованной стороне после истечения вышеприведенных сроков. В том числе в титуле 5 в пункте 7 говорится о том, что «всякий наследник по письменному или устному завещанию, оттягивающий и не выполняющий волю завещателя в течение года, если он является сыном или внуком умершего, получает только причитающуюся ему законную долю наследства...» [2, с. 37]. Данная норма имеет ту же правовую направленность, что и предыдущая. Её правовая суть заключается, прежде всего, в наступлении определенных как имущественных, так и неимущественных последствий в силу истечения срока давности, прописанного в диспозиции вышеприведенной нормы. Кроме того, титул 16 в пункте 2 предусматривает различные сроки давности при разделе наследованного имущества. При этом во всех случаях речь идет о возникновении правоотношений, а не об их прекращении.

Анализ указанных правовых актов позволяет судить о том, что сроки давности в них распространялись лишь на частноправовые отношения (гражданские и брачно-семейные). Значение сроков давности преимущественно состояло в установлении четких временных границ для исполнения определенных обязательств или понуждении к их исполнению.

Одним из правопреемников Римской империи на северо-западе Европейского континента стала империя франков. В силу этого представляется уместным обратить внимание на один из основных правовых актов раннего этапа развития данного государства – *Салическую правду (Lex Salica)* [3]. Данный памятник права содержит в себе более развитые нормы, касающиеся института давности.

Так, в главе XXXVII «О преследовании по следам» в параграфе 1 содержится следующее: «Если кто потеряет вследствие кражи быка или коня или какое-либо животное и, идя по следам, найдет его в течение 3-х суток, а тот, кто ведет его (животное), заявит, что он купил или получил его в обмен, идущий по следам должен через третьих лиц доказывать, что (эти) вещи – его собственность. Если же разыскивающий свои вещи найдет их уже по прошествии 3-х суток, а тот, у кого он найдет их, заявит, что купил или получил их в обмен, сам (ответчик) пусть доказывает (на них) свое право...» [3, с. 78].

Вышеприведенной нормой устанавливается срок давности, равный трем суткам, по истечении которого истец неправомочен рассчитывать на безусловную судебную защиту со стороны государства. Тем не менее за ним остается право на самостоятельное доказывание предмета спора.

Таким образом, в указанной норме уже можно усматривать некоторые зачатки становления института сроков давности в их публично-правовом понимании, а именно: правовая норма снимает ответственность за безусловную защиту истца с государства, но оставляет за истцом право самостоятельно доказывать принадлежность ему похищенного имущества.

В главе XLVII «О розыске» параграфе 1 также упоминаются некоторые давностные сроки. Так, в ней значится следующее: «... если же те, у кого признана вещь, живут по ту сторону Луары или Угольного леса, закон этот должен быть выполнен в течение 80-ти суток» [3, с. 79].

Данная норма скорее относится к процессуальному праву. Однако с определенной степенью допущения представляется возможным говорить о наличии временных сроков, задача которых заключалась в установлении определенных временных рамок судебного преследования. Сложно с достоверностью говорить о том, как исполнялась обязанность по привлечению лица к ответственности по истечении указанных сроков. Однако, исходя из императивности указания о сроках привлечения к суду, можно высказать суждение, что по их истечении обязательность привлечения к уголовной ответственности существенно ослабевала, может быть, и исчезала за неустановлением виновной стороны.

Таким образом, видно, что в данном памятнике права уже наблюдаются некоторые ростки современного института давности, заключающиеся в самоустранении государства от защиты интересов потерпевшей стороны по истечении определенных сроков давности. В целом же институт давности носил характер нормы, порождающей ответственность по их истечении, в отличие от существующих ныне положений, устраняющих возможность какого-либо применения мер юридической ответственности по истечении сроков давности.

Начала применения сроков давности, пусть и довольно в простой и неразвитой форме, определяющей сроки тех либо иных юридически значимых действий, имеются и в *Русской правде* [4]. Так, в пункте 32 значится следующее: «О челяди. Если челядин скроется (у кого-либо), а (об его пропаже) объявят на торгу и в течение трех дней (после этого) не вернут его (прежнему господину), то, опознав его на третий день, он (т.е. прежний господин) (может) взять своего челядина, а тому (т.е. укрывателю) платить 3 гривны штрафа» [4, с. 26].

Данной нормой определяется срок, после которого начинается поиск беглого крепостного либо любого другого человека из челяди. Как видно из данной нормы, давностный срок в этом случае, как и в приведенных выше правовых источниках, порождает определенные последствия в виде юридической ответственности, а не устраняет их. В *Русской правде* данная норма была единственной из нами обнаруженных, имеющей отношение к институту давности.

Стоит отметить, что в *Статуте Великого Княжества Литовского* 1529 года [5] в артикуле 20 указан срок давности (процессуальный) рассмотрения иска о защите чести судом Великого князя. Этот срок установлен в четыре года. Однако смерть истца до момента истечения срока освобождала его наследников от необходимости восстанавливать честь, поскольку на них обвинение в бесчестии не распространялось. Также восстановленным в чести считался и сам истец. В артикуле 24 также содержалась норма, определяющая давностные сроки. В данной норме определяется срок, равный десяти годам, в течение которых лицо должно было вступить в наследование, при этом данный срок имел место, если одно и то же имущество было передано по двум грамотам разным лицам, у которых в разное время возник спор по поводу данного имущества.

Все вышеуказанные источники права не имели прямых ссылок на освобождение лица от уголовной ответственности в силу истечения сроков давности. Такой взгляд, как представляется, был естественным для законодателя, поскольку справедливым и законным считалось осуществление правосудия и государством, и лицом, которому совершенным преступлением причинен вред. При этом право потерпевшей стороны на самостоятельное и инициативное восстановление справедливости сомнению государством не подвергалось.

Заметим, что в дальнейшем «полярность» правовых норм о сроках изменилась, и из устанавливающих необходимость правовой ответственности сроки давности постепенно стали основанием к освобождению от такой ответственности.

В наиболее приближенной к современной интерпретации форме нормы, касающиеся института давности, упоминаются впервые в *Жалованной грамоте дворянам 1785 года* императрицы Российской империи Екатерины II. В главе А «О личных преимуществах дворян» [7] пункте 14 «О уничтожении преступлений кои 10 лет оставались без производства» значится следующее: «Всякаго рода преступления (благородного), коим десять лет прошло, и чрез таковое долгое время они не сделались гласны и по оным производства не было, все таковыя дела повелеваем отныне предать, есть ли где об них взыскатели, истцы или доносители явятся, вечному забвению» [7, с. 28].

Приведенные положения можно отметить как сословную привилегию, исключаящую вероятность реализации таких правовых принципов, как неотвратимость ответственности, справедливости и в большей мере равенства граждан перед законом. Однако очевидно, что содержание указанных норм в определенной степени предполагает возможность привлечения к юридической ответственности лиц по истечении сроков давности. Заложена изначально в качестве сословной эта тенденция, как нам представляется, предопределила то, что именно воля государства, а ни какие-либо иные причины, легла в основу освобождения конкретного лица от уголовной ответственности за истечением сроков давности.

Последующие упоминания о распространении сроков давности на более широкие категории лиц имеют место в *Уголовном уложении 1835 года* [8]. С уверенностью можно сказать, что данный нормативный правовой акт представлял собой серьезный шаг в развитии уголовного права – выделил новые концептуальные положения, обозначил иные виды наказаний, создал дифференцированную систему подхода к лицам, совершившим преступления, и, в общем, приблизился к тому уголовному праву, которое мы видим сейчас. Однако наряду с этим был введен институт сроков давности привлечения к уголовной ответственности. Представляется, что с этого момента сроки давности привлечения к уголовной ответственности стали «правовой традицией» в уголовном законодательстве.

Учитывая распространение власти государства на все более широкие сферы общественных отношений, в XVIII–XIX веках, оно стало, на наш взгляд, единственным источником уголовно-правового воздействия на общество, т.е. карать за преступления по закону могло только государство. Однако, государственный аппарат не был в состоянии выявить и покарать всех виновных в совершении общественно опасных деяний, а в некоторых случаях в этом и не было необходимости. Предположительно, именно поэтому, а не по каким-либо иным причинам, сроки давности привлечения к уголовной ответственности получили свое «незыблемое» место в системе уголовного права и законодательства.

В современной теории уголовного права существует ряд общеизвестных и общепринятых точек зрения, обосновывающих необходимость наличия сроков давности. Большинство из них сводится к тем позициям, согласно которым по истечении сроков давности отпадает общественная опасность либо деяния, либо лица, его совершившего. Полагая, что дискуссия по этому поводу должна быть предметом отдельного и достаточно обширного исследования, отметим, что разработка вопросов общественной опасности деяния и лица, его совершившего, стала предметом научных исследований лишь в новейшее время. На момент возникновения в уголовном законодательстве самих сроков давности достаточного теоретического обоснования тому не было, поэтому вряд ли стоит эти основания считать действительной причиной воли законодателя о закреплении сроков давности. Сомнительной представляется и теория о «презумпции исправления» виновного лица к моменту истечения сроков давности, поскольку она ставит под сомнение существование пенитенциарной системы вообще. Если следовать данной теории, то, находясь на свободе, преступник исправляется с большей вероятностью, чем при целенаправленном воздействии на него в уголовно-исполнительном учреждении.

Тем не менее сроки давности получили дальнейшее развитие в *Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1922 года* [8], в статье 4 которого говорится: «Уголовное преследование не может быть возбуждено, а возбужденное не может быть продолжаемо и подлежит прекращению во всякой стадии процесса: ...

4. За истечением давности».

Как видим, этим пунктом оговорено такое основание освобождения от уголовной ответственности, как истечение сроков давности привлечения к уголовной ответственности. При этом статья 4 является единственной статьей в данном Кодексе, в которой упоминается о сроках давности, хотя содержание этого основания освобождения от уголовного преследования не раскрывается, как и не оговариваются конкретные сроки истечения сроков давности.

В дальнейшем, документом, непосредственно регулирующим уголовные правоотношения в РСФСР и имеющим положения о сроках давности, являлся *Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 года* [8].

Сроки давности здесь оговаривались в статье 14:

«Уголовное преследование не может иметь места:

а) когда со времени совершения преступления, за которое судом может быть назначено лишение свободы на срок свыше пяти лет или определено в законе лишение свободы на срок не ниже одного года, прошло десять лет;

б) когда со времени совершения преступления, за которое судом может быть назначено лишение свободы на срок свыше одного года, но не свыше пяти лет, или определено в законе лишение свободы на срок не ниже шести месяцев, прошло пять лет;

в) по всем остальным преступлениям, когда со времени совершения преступления прошло три года».

Стоит отметить, что согласно приведенной статье сроки давности применялись лишь в том случае, если не производилось производства или следствия по делу. Также стоит отметить тот факт, что данная статья предусматривала применение сроков давности по усмотрению суда, пусть и в узком кругу затрагиваемых правоотношений – контрреволюционных преступлений. Таким образом, государство заранее обозначало свой праворегулирующий интерес в использовании сроков давности для прекращения тех правоотношений, которые не причинили существенного вреда в приоритетных для него сферах.

Следующим нормативным правовым актом, в котором нашли свое отражение сроки давности, являлся *Уголовный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 года* [8]. По нашему мнению, положения этого кодекса значительно отличаются от положений его предшественника, приближаясь к тому варианту, который мы имеем сейчас. В данном акте законодатель уже не рассматривает обязательным началом для сроков давности то условие, что сроки давности начинают течь, если преступление не выявлено. Также ссылка на контрреволюционные преступления заменена преступлениями, за которые предусматривается смертная казнь, ввиду изменения общественных приоритетов и социальных позиций, оставляя свободу применения сроков давности за судом.

Следует сказать, что нормы последнего правового акта уже достаточно близки к той юридической технике отражения сроков давности привлечения к уголовной ответственности, которые имеют место в действующем уголовном законодательстве Республики Беларусь. При этом стоит отметить, что данный институт не развивался в соответствии с принципами и задачами уголовного права, а видоизменял их под себя. Так, с применением сроков давности, на наш взгляд, утрачивают свое значение в определенной степени принципы справедливости и неотвратимости уголовной ответственности. Но их бездействие – результат прямой воли государства о прекращении уголовного преследования виновного в совершении преступления лица.

Подытоживая изложенное, представляется возможным сделать следующие **выводы**:

1) в течение всего времени, когда государство постепенно распространяло свою власть на все большие сферы жизни общества (родоплеменного – поначалу), оно старалось через положения о юридической ответственности гарантировать обязательность тех норм права, которые оно создавало;

2) государство в выявлении и пресечении правонарушений, привлечении виновных лиц к юридической ответственности шло рука об руку с пострадавшей от правонарушения стороной, не устраняя ее от выявления и пресечения правонарушения, но возлагая все более и более исключительно на себя функцию карать, т.е. привлекать к юридической ответственности;

3) там, где выявление и пресечение правонарушений по объективным причинам было затруднительным, либо не опиралось на наличие иных заинтересованных сторон, кроме государства, правовыми нормами стали устанавливаться определенные сроки уголовного преследования или преследования по суду;

4) сроки привлечения к ответственности по суду устанавливались, с одной стороны, чтобы закрепить прерогативу государства на применение норм юридической ответственности, а с другой стороны, видимо, чтобы борьба с правонарушениями не поглощала без насущной необходимости ресурсы и возможности государственного аппарата;

5) установление сроков участия государства в преследовании правонарушителей имело значение и для пострадавших от правонарушения, определяя, что, прежде всего, государство предпринимает определенные меры по пресечению правонарушений и привлечению виновных к юридической ответственности;

6) в случаях бессилия государственного аппарата по выявлению и пресечению правонарушений государство не препятствовало пострадавшей стороне по своему почину представлять виновных лиц и доказательства их виновности для привлечения их к ответственности в порядке, предусмотренном государством.

И этими мерами, как представляется, закреплялась превалирующая (над отдельным человеком – пострадавшим или обществом) роль по реализации наказания за нарушения правовых норм.

С укреплением власти государства над обществом и отдельными людьми, как представляется, стали очевидны определенные противоречия между заявляемой ролью государства о привлечении всех правонарушителей к юридической ответственности и деятельностью по выявлению и пресечению правона-

рушений, которая не всегда приносила желаемые результаты. С одной стороны, далеко не все правонарушения удавалось выявлять в устанавливаемый государством срок преследования по суду. С другой – по отдельным категориям правонарушений ни одной из пострадавших сторон, кроме самого государства, не было (к примеру, неуплата налогов, фальшивомонетничество, шпионаж и др.). Это, возможно, и породило у представителей государства желание, в случае необходимости для самого государства, смягчить свою ответственность (материальную, временных затрат, оттягивания людских ресурсов и др.) перед борьбой с правонарушениями.

Сроки давности, таким образом, становились неким видом соглашения между государством и обществом (в целом и конкретными его индивидами) о том, что государство будет нести ответственность за наказание виновных лишь в определенные, устанавливаемые им сроки за реализацию установленных им же мер юридической ответственности. При этом за пострадавшей стороной зачастую сохранялось право обеспечивать самостоятельно реализацию своих нарушенных прав и законных интересов.

Тем не менее сроки давности со временем продемонстрировали немалый потенциал в качестве средства урегулирования юридических конфликтов, прежде всего правонарушений. Истечение определенного срока стало тем юридическим фактом, который однозначно и бесспорно устанавливал возникновение, изменение и прекращение определенных правоотношений. Установление момента возникновения этого юридического факта зачастую являлось намного более простым в доказывании делом, чем установление других юридически значимых обстоятельств (к примеру, факта совершения правонарушения конкретным лицом), тем более по прошествии значительного времени.

Представляется, что именно исходя из указанных позиций с усилением роли государства сроки давности привлечения к юридической ответственности, будучи изначально средством побуждения стороны в частном правоотношении к реализации своего волеизъявления, не изжили себя, а, наоборот, волекались как средство регулирования все большего количества правоотношений. Главным же препятствием их распространения на все правоотношения, как показала практика закрепления сроков давности в правовых актах, является существенность причиняемого вреда и неустранимость причиняемых правонарушением последствий иначе как применением мер юридической ответственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Памятники римского права. Законы 12 таблиц. Институции Гая, Дигесты Юстиниана. – М. : Наука, 1984. – 246 с.
2. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Древность и Средние века) / сост.: В.А. Томсинов. – М. : ЗЕРЦАЛО, 1999. – 480 с.
3. История государства и права зарубежных стран : учеб. пособие / под ред. О.А. Жидкова и Н.А. Крашенинниковой. – М., 1988. – 584 с.
4. Хрестоматия по истории отечественного государства и права (X век – 1917 год) / сост.: В.А. Томсинов. – М. : ЗЕРЦАЛО-М, 2003. – 381 с.
5. Статут Великого княжества Литовского 1566 года и поправки статуты 1578 года // Временник Моск. общества истории и древностей российских. – 1855. – Кн. 25. – 242 с.
6. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 : пер. на беларус. мову А.С. Шагун. – Минск, 2005. – 207 с.
7. Российское законодательство X–XX вв. : в 9 т. ; отв. ред. Е.И. Индова. – М. : Юрид. лит., 1987. – 567 с.
8. Хрестоматия по истории отечественного государства и права (1917–1991 гг.) / сост.: В.А. Томсинов. – М. : ЗЕРЦАЛО, 1997. – 592 с.

Поступила 03.04.2017

THE CAUSES AND PRECONDITIONS OF THE STATUTE OF LIMITATIONS OF CRIMINAL

M. BYSTRIKOV, B. ASAYONOK

This article examines historical monuments of the law of the Romano-Germanic legal system, as well as domestic monuments of law containing norms that have a distant relation to modern statutes of limitations in criminal law. In this article, based on the analysis of some legal acts of the past, an attempt is made to develop approaches to establishing the causes and prerequisites for the formation of statute of limitations in criminal law, determining their significance in the public law system and as a means of state-legal regulation of legal conflicts in a broad sense.

Keywords: *statute of limitations, legal sources of the past, class privilege, exemption from criminal liability.*